

ему, не может делать зла не только ближним, но и врагам своим. Учение мира и учение Христа были и всегда будут противны друг другу. И Христос знал это и предсказывал Своим ученикам, что за то, что они будут следовать Его учению, их будут предавать на мучения и убивать, и что мир будет их ненавидеть, как он ненавидел Его, потому что они будут не слугами мира, а слугами Отца.

И все сбылось и сбывается так, как предсказал Иисус, если ученики Христа исполняют Его учение.

<...>

9.

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно. Казалось, иначе бы не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

<...>

11.

Суд состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.

Ибо всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны.

Евангелие от Иоанна, III, 19–21.

Христианский анархизм. Мысли Л. Н. Толстого

Есть только два способа совместной согласной жизни людей: повиновение одному или нескольким распорядителям под страхом насилия или свободное соглашение людей, не исключающее и распорядителей, когда это нужно, но без права насилия*.

Меня причисляют к анархистам, но я не анархист, а христианин. Мой анархизм есть только применение христианства

* Дневник 1904 г. 22 дек.

к отношениям людей. Тоже с антимилитаризмом, коммунизмом, вегетарианством*.

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым людей заставляют подчиняться насильно, — а такие учреждения, которым люди подчиняются свободно, по разуму. Казалось, иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом**.

Понятно, что коров, лошадей, овец стерегут люди. Люди знают, что нужно скотине и как лучше пасти ее. Но лошади, коровы, овцы не могут сами пасти себя, потому что они все одинаковы по своей природе. Также одинаковы и люди. Почему же одни люди могут повелевать другими и заставлять их жить так, как это им кажется лучше? Все люди одинаково разумные существа, и управлять ими может только то, что выше их. Выше же их только одно: тот дух, который живет во всех их, то, что мы называем совестью. И потому людям можно повиноваться только своей совести, а не людям, которые назовут себя царями, палатами, конгрессами, сенатами, судами...***

Разница между религиозным учением и анархизмом в том, что в анархизме цель — выгода, и средство — насилие. А если цель — выгода, то иногда и одному выгодно бастовать, а иногда и другому не выгодно, и все никогда не сойдутся. И если средство достижения цели — насилие, то как удержаться в насилии, чтобы употреблять его только для общих целей, и как достигнуть того, чтобы люди, захватившие власть, употребляли это насилие не для своей, а для общей выгоды? Так при анархизме.

При религиозном же учении цель — не выгода, а требования Бога или совести независимо от цели, а потому требования эти всегда одни и те же для всех.

* Дн. 1906 г. 24 авг.

** Дн. 1899 г. 2 окт.

*** На каждый день. 17 марта.

Тоже и о насилии. При религиозном учении цель достигается не насилием, а, напротив, воздержанием от насилия и участия в нем. И потому при религиозном учении не может быть злоупотребления насилием.

Последствия же деятельности, основанной на религиозном учении, при котором нет и мысли о выгоде и о насилии людей над людьми, не могут не быть те самые, которых желают и никогда не достигнут анархисты*.

Не анархизм — то учение, которым я живу, а исполнение вечного закона, не допускающего насилия и участия в нем. Последствия же будут ли: анархизм, или, напротив, рабство под игом японца или немца — этого я не знаю и не хочу знать**.

Анархизм с допущением насилия — смешное недоразумение. Анархизм есть только один разумный: христианство, игнорирование каких бы то ни было внешних политических форм жизни и жизнь каждого для своего «я», но не телесного, а духовного***.

Анархизм и социализм, т. е. отрицание собственности, это христианство, но только с удержанием существующего порядка. Христианство есть отчасти социализм и анархия, но без насилия и с готовностью жертв****.

Анархизм политический есть цель, к которой стремятся люди: то же, что вы называете моим анархизмом, есть только последствие признания истины христианского учения и вытекающего из него сознания каждым человеком своего человеческого достоинства, не совместимого ни с участием в насилии, ни с подчинением ему*****.

* Из писем. 15 апр. 1910 г.

** Дн. 1910 г. 13 янв.

*** Дн. 1907 г. 30 апр.

**** Дн. 1891 г. 31 июля.

***** Из писем. 15 апр. 1910 г.

Анархисты правы во всем — и в отрицании существующего, и в утверждении того, что хуже насилия власти, при существующих нравах, без этой власти быть не может. Ошибаются они только в том, что анархию можно установить революцией, *учредить анархию*. Анархия установится; но установится только тем, что все больше и больше будет людей, которым не нужна защита правительственной власти, и все больше и больше будет людей, которые будут стыдиться прилагать эту власть*.

Людям, не верующим в Бога, нельзя не бояться безвластия, анархии. Они не верят в то, что миром управляет Бог, из-за управления людского не видят управления божеского**.

От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, — как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, — так тотчас же впадают в неопределенность, многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чем не основанные предположения.

Происходит это оттого, что все теоретики-анархисты эти не признают того общего всем людям закона Бога, которому свойственно подчиняться всем людям, а без подчинения людей одному и тому же закону — человеческому или божескому — не может существовать человеческое общество.

Освобождение от человеческого закона возможно только под условием признания общего всем людям закона божеского***.

* Дн. 18 мая 1890 г.

** Дн. 2 сент. 1906 г.

*** О значении русск. революции, гл. XII (1906 г.).

Без подчинения закону невозможна общественная жизнь. И потому анархисты только тогда могут быть правы, когда они верят в общий и доступный всем людям закон Бога*.

Доказывать людям, что они не могут жить без правительства, и что тот вред, который им сделают воры и грабители, живущее среди них, больше того вреда, как материального, так и духовного, который, угнетая и развращая их, постоянно производят среди них правительства, — так же странно, как было странно во время рабства доказывать рабам, что им выгоднее быть рабами, чем свободными. Но как и тогда, несмотря на очевидность для рабов бедственности их положения, рабовладельцы доказывали и внушали, что рабам полезно быть рабами, и что им будет хуже, если они будут свободны (иногда и сами рабы поддавались внушению и верили в это), так и теперь правительства и люди, пользующиеся их выгодами, доказывают, что правительства, грабящие и развращающие людей, необходимы для их блага, и люди поддаются этому внушению.

И люди верят в это, не могут не верить, потому что, не веря в закон божеский, они вынуждены верить в закон человеческий. Для них отсутствие закона человеческого есть отсутствие всякого закона, а жизнь людей, не признающих никакого закона, ужасна. И потому для людей, не признающих закона Бога, отсутствие человеческой власти не может не быть страшно, и они не хотят расставаться с нею**.

Анархизм вступает в ту фазу, в которой был социализм 30 лет тому назад: получает в мире ученых право гражданства***.

Радует тоже то, что анархизм без насилия, анархизм неучастия в насилии, все более и более распространяется****.

* Дн. 2 сент. 1906 г.

** О знач. русск. рев. гл. XII.

*** Из писем. 1 сент. 1900 г.

**** Из писем. 6 авг. 1900 г.

Но как же устроятся без правительства все большие общественные дела, когда все люди будут жить отдельными обществами? Как устроятся пути сообщения, железные дороги, телеграфы, пароходы, почта, высшие учебные заведения, библиотеки, торговля, когда не будет правительства?

Люди так привыкли к тому, что правительства заведуют всеми общественными делами, что им кажется, что и самые дела эти устанавливаются правительствами и что без правительств нельзя устроить ни высшие школы, ни пути сообщения, ни почты, ни библиотеки, ни торговые сношения. Но это неправда. Самые большие общественные дела не только в одном народе, но и среди разных народов, устраиваются без помощи правительств частными людьми. Так устроены всякого рода международные, ученые, торговые, промышленные союзы. Правительства не только не помогают таким, по добровольному согласию устраиваемым союзам, но вступая в такие дела, всегда мешают им*.

Как это люди не видят того, что отрицать существующее устройство общества можно только на основании *совершенно* нового, иного порядка, основанного не на насилии; а такого *совершенно* нового порядка мы даже не можем себе представить и не можем знать. Можно отрицать насилие и не как орудие, а как поступок дурной; но отрицать устройство какое бы то ни было, не отрицая насилия, — безумно**.

Как же сложится жизнь людей на основании любви, включающей насилие? На вопрос этот никто не может ответить, да кроме того ответ этот никому не нужен. Закон любви не есть закон общественного устройства того или другого народа или государства, которому можно содействовать, когда предвидишь, или, скорее, воображаешь, что, предвидишь те условия, при которых совершится желательное изменение. Закон любви, будучи законом жизни каждого отдельного человека, есть вместе с тем и закон жизни всего человечества, и потому безумно было бы

* Обращ. к русск. людям. гл. III, 1906 г.

** Дн. 26 окт. 1907 г.

воображать, что можно знать и желать знать конечную цель как своей жизни, так тем более жизни всего человечества*.

Никто из нас никогда не знал, *что́ с ним будет*, когда он вырастет, не знает, *что́ будет с ним*, когда он умрет, никто не знал, *что́ с ним будет*, когда он родится, — но всё это не мешало и не мешает каждому из нас постоянно переходить из одного состояния жизни в другое**.

Как найти ту форму, те условия жизни, которые наилучши? Созвать великих мудрецов мира, — они не найдут их ни для одного самого известного им человека. Одно только я замечал, что чем больше человек живет, чем больше отвечает на заявляемые к нему требования, тем меньше ему интересно будущее устройство жизни, и тем прочнее самое устройство***.

И потому на вопрос о том, какая сложится жизнь народов, которые перестанут повиноваться власти, мы отвечаем, что мы не только не можем знать этого, но и не должны думать, что кто-нибудь может знать это. Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставные повиноваться власти, но несомненно знаем, *что́ мы*, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие. Мы несомненно знаем, что для того, чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существующая власть, и точно также и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь вследствие нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, — есть грех. Это мы несомненно знаем, знаем и то, что от того, что мы не будем

* «Неизбежный переворот», (1909)

** Из черн. «Царства Бож. вн. вас».

*** Из пис. 1889 г.

нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может*.

Как произойдет этот переворот, какие перейдет ступени — нам не дано знать, но мы знаем, что он неизбежен, потому что он совершается и отчасти уже совершился в сознании людей**.

Русские люди, и народ даже, проснулись или просыпаются и потому начинают действовать; правительство же все глубже и глубже уходит в свою раковину и хочет не только удержать настоящее положение вещей, но еще вернуться к более старому и отсталому. Из соединения этих двух явлений непременно должно выйти что-нибудь новое, но что это будет, я не могу даже гадать, да я думаю, и никто не может предвидеть, так как история никогда не повторяется. Одно, что мы можем знать, это то, что положение очень напряженное, и всем людям, желающим помочь делу осуществления добра, более, чем когда-нибудь, надобно энергично действовать***.

«Как же можно жить, не зная, что́ будет; не зная, в как их формах будешь жить»?

Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что́ будет. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. Он знает. Только такая деятельность служит свидетельством веры в Бога и в Его закон. Только тогда и свобода, и жизнь****.

* О знач. русск. рев. гл. XIV. 1906 г.

** Конец века, гл. XII. 1905 г.

*** Из писем. Начало июля 1902 г.

**** Дн. 13 сент. 1891 г.